

УДК 340

С. МОСКОВИЧИ: МАССЫ И ПОЛИТИКА

© 2024 г. В. Н. Жуков^{1, 2}

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

²Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Поступила в редакцию 16.09.2024 г.

Аннотация. В статье рассматривается учение С. Московичи о массах в контексте психоанализа. Московичи предпринял попытку создать «науку о массах», которая вполне адекватно отразила практику политических режимов XX в. С его точки зрения, либеральная демократия лишь формально представляется рациональной, аргументированной доктриной, где центральное место занимает категория «народ». На самом деле в основе государственных и политических институтов лежит эмоциональная жизнь масс, их бессознательное. Государство и государственные органы, политические партии, религиозные объединения, профсоюзы и другие социальные группы в своей основе осуществляют свою деятельность по законам толпы. Индивид, оказываясь членом массы, теряет способность рационально мыслить, подчиняясь эмоциям толпы.

Ключевые слова: Московичи, психоанализ, бессознательное, социальная психология, массы, вождизм.

Цитирование: Жуков В.Н. С. Московичи: массы и политика // Государство и право. 2024. № 10. С. 55–69.

DOI: 10.31857/S1026945224100063

S. MOSKOVICI: MASSES AND POLITICS

© 2024 V. N. Zhukov^{1, 2}¹Lomonosov Moscow State University²Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

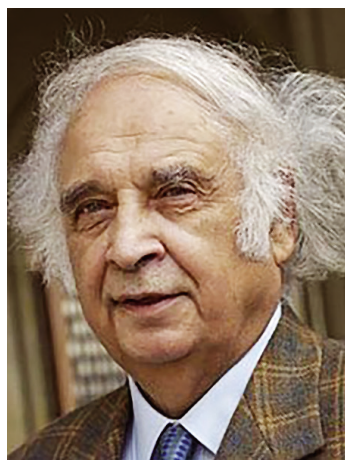
E-mail: pifagor2002@mail.ru

Received 16.09.2024

Abstract. The article examines S. Moscovici's teaching about the masses in the context of psychoanalysis. Moscovici made an attempt to create a "science of the masses", which quite adequately reflected the practice of the political regimes of the XX century. From his point of view, liberal democracy only formally appears to be a rational, reasoned doctrine, where the category of "people" occupies a central place. In fact, state and political institutions are based on the emotional life of the masses, their unconscious. The state and state bodies, political parties, religious associations, trade unions and other social groups basically carry out their activities according to the laws of the crowd. An individual, being a member of the mass, loses the ability to think rationally, obeying the emotions of the crowd.

Key words: Moscovici, psychoanalysis, the unconscious, social psychology, the masses, chiefdom.

For citation: Zhukov, V.N. (2024). S. Moscovici: masses and politics // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 55–69.

Серж Московичи — один из наиболее видных специалистов в области социальной психологии Франции и Европы. Несомненно, что на его интерес к социальной психологии оказали влияние факты личной биографии. Он родился в 1925 г. в еврейской семье (его первоначальное имя Срул-Герш Москович) в румынском

городе Брэила. В условиях фашистской Румынии, где были введены антисемитские законы, в 1938 г. Московичи исключили из лица, а в 1939 г. он стал членом румынской коммунистической партии. Впоследствии был интернирован в лагерь, подвергся преследованиям уже в постфашистской Румынии, которую ему удалось нелегально покинуть в 1947 г. Фашистские диктатуры, повсеместно возникшие в Европе после Первой мировой войны, демонстрировали всеобщий массовый психоз, ксенофобию, вождистские настроения и жажду насилия. На будущего психолога все это произвело неизгладимое впечатление и предопределило его научную судьбу.

Творчество Московичи представляет собой некий синтез идей, которые он заимствует у выдающихся психологов и социологов (Г. Лебон, Г. Тард,

З. Фрейд, М. Вебер, Э. Дюркгейм) и пытается развить их в собственном направлении. В плане оригинальности и оказанного им влияния он, конечно, уступает не только Фрейду или Юнгу, но также Фромму и Маркузе. Его работы — это по большей части анализ концепций выдающихся психологов и социологов, где его собственные теоретические взгляды занимают относительно скромное место. Вместе с тем проведенная Московичи историческая реконструкция психолого-социологической классики представляет большую ценность, так как позволяет посмотреть на, казалось бы, известные вещи под новым углом зрения.

«Наука о массах». Предмет изучения Московичи — массы и их проявления. Психологию масс, утверждает он, интересует два вопроса: способ объединения индивидов в массу и господство вождя над ней. Психология масс как наука, по его мнению, еще не состоялась, ей отказывают в научном статусе на том основании, что подлинный предмет психологии — только индивид и, соответственно, единственно возможная психология — только индивидуальная. Однако социальная действительность, возражает Московичи, имеет дело прежде всего с массами. Наука психологии масс оставляет в стороне традиционные для исследователей экономические и исторические факторы социальной жизни, ограничиваясь только одним — психической природой общества. Московичи ставит перед собой задачу сделать психологию масс подлинной наукой. Первопроходцами психологии масс он считает Лебона, Тарда и Фрейда, идеи которых, с его

точки зрения, многократно подтверждены практикой, особенно из недавнего прошлого. Но труды их остались незавершенными, а потому Московичи берется реконструировать теорию каждого из них и довести до логического конца их важнейшие положения. Он специально подчеркивает, что дело общественной науки — не разработка наилучших путей управления обществом, а изучение социальных условий осуществления власти¹. И это ему, как представляется, удастся. В отличие от многих его коллег по творческому цеху, которые часто переходили от строгой науки к созданию социальных идеалов, Московичи не страдает утопизмом.

Московичи хотя и жалуется, что психология масс как наука еще не состоялась, но при этом справедливо замечает, что тема масс поднимается уже в конце XIX столетия. В XX в., когда в Европе и Азии повсеместно возникают диктаторские тоталитарные режимы, часто взращенные на основе либеральной демократии, в философии и социологии проблема масс и массового общества встает в полный рост². Московичи верно отмечает, что в XX в. появляется сильная мотивация заниматься социальной психологией, так как мир оказывается в плену у политических вождей, выдвинутых массами; никогда ранее потребность в вождях у масс не была такой острой. Слово «масса», утверждает он, известно со времен Великой французской революции, но только XX в. показал истинное значение масс и сделал возможным научное изучение данного феномена. Капитализм, разрушив традиционный быт села и заставив бывших крестьян переселиться в город, создал нестабильные искусственные конгломераты людей, ставших массой. Пример такого нового конгломерата — возникший рабочий класс, его профсоюзы и партии, основная идея которых — грядущая революция, т.е. господство масс. Городские конгломераты рожают стандартизированного человека массовой культуры, «человека-массы», безличные атомы, из которых и формируются массы. В условиях массового общества возникают два вида конформизма: идущего от власти и от общества. Соответственно, целью политической борьбы становится не столько власть, сколько влияние на общество: у кого больше влияния, у того больше власти³.

Московичи верно указывает на различие в подходах к рассмотрению политико-правовых

явлений, принятых в эпоху Просвещения и в XX в. Действительно, просветители (Г. Гроций, Б. Спиноза, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант), исповедуя концепции естественного права и общественного договора, видели в разуме человека организующее начало, способное создать относительно гармоничные социальные формы. В этом контексте были сформулированы базовые категории либеральной демократии: суверенитет народа, права человека, разделение властей, правовое государство. Но, как точно формулирует Московичи, истины, открываемые психологией масс, противостоят постулатам эпохи Просвещения и взращенным на них юридическим конструкциям. Этого различия, продолжает он, не поняли ни либералы, ни социал-демократы, продолжавшие в XX в. проводить свою политику, которая основывалась на идее рациональности масс. Социал-демократы, например, не поняли важной вещи: чтобы рабочий класс сделать революционным, ему необходим иррациональный миф. А вот вожди итальянского фашизма и германского национал-социализма смогли увидеть психологическую природу масс, а потому пришли к власти. По утверждению Московичи, они тщательно штудировали книги Лебона, вследствие чего на его труды не принято было ссылаться⁴.

Понятие массы. Нельзя сказать, что до Лебона и Тарда тема масс ни в каком виде не поднималась. Начиная с Платона берет традиция рассмотрения общества и государства как организма. В Новое время ее продолжает Гоббс, в XIX в. — основоположники социологии О. Конт и Г. Спенсер. Органический (биологический) подход, широко распространенный в позитивистской социологии первой волны (вторая половина XIX — начало XX в.), предлагал посмотреть на общество и государство как биологические явления, живущие по своим законам. Социологов интересовал главным образом механизм социальных связей, организующих людей в некое системное целое (общество и его институты). Социальная психология, также бурно развивавшаяся со второй половины XIX в. и родственная по своим методам социологии, сделала своим предметом изучения эмоциональную жизнь масс в связи с их сознанием и институциональными формами. И социология, и социальная психология в целом выводили исследования общества за рамки идеологии и политики, предлагая внепартийное обществоведческое знание. Главный вывод, который был сделан, звучал так: масса — это ядро любого организованного коллектива, что являет собой своеобразный закон общественной жизни и человеческой истории; массы, толпа — это не аномалия, а норма, аффекты

¹ См.: *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998. С. 20, 31–34, 142, 448.

² См.: О. Шпенглер («Закат Европы»), Х. Ортега-и-Гассет («Восстание масс»), Н.А. Бердяев («Судьба человека в современном мире. К пониманию новой эпохи»), Б.П. Вышеславцев («Кризис индустриальной культуры»), Г. Маркузе («Одномерный человек»), Ж. Бодрийяр («Общество потребления») и др.

³ См.: *Московичи С.* Указ. соч. С. 23, 27, 44–46.

⁴ См.: там же. С. 33, 34, 90, 92, 101.

толпы — не случайная патология, а устойчивый предмет психологической науки. До недавнего времени масса считалась аномалией, существующей вне закономерностей, а потому не представляющей интереса для науки; заслуживали изучения только организованные движения или институты. Однако в сердцевине общества всегда обнаруживается масса, точно так же как в человеке — животное или в скульптуре — дерево. Масса — неизменное ядро любых политических институтов, социальных движений и цивилизаций⁵. Таким образом, психология масс уравнивала демократию и тоталитаризм, везде находя одинаковые по своей сути механизмы власти, существующие в массовом обществе. Более того, цивилизованные общества и их институты уравнивались с первобытными обществами, поскольку, как утверждалось, механизм власти в основе своей был один и тот же.

Толпа, масса, констатирует Московичи, — это социальное животное, сорвавшееся с цепи, это слепая, неукротимая сила, сметающая моральные запреты и преодолевающая любые препятствия. Толпа амбивалентна: она может демонстрировать как разрушительность для культуры, так и героизм во имя высших идеалов. В этом смысле толпы не являются ни истеричными, ни безумными. Рождение любой формы коллективной жизни совпадает с появлением нового типа человека, и наоборот, исчезновение какой-либо коллективной формы влечет исчезновение соответствующего человеческого типа. XX столетие — это эпоха массовых обществ и человека-массы. Руководить людьми такого типа могут только вожди, обладающие свойствами пророков и магов. Толпа эмоциональна и напоминает женщину. Такую аналогию можно встретить у многих диктаторов XX в.⁶

Лебон и вслед за ним Фрейд различают массы естественные и искусственные. При этом, по Фрейду, разрушительностью обладают лишь естественные толпы, искусственные толпы (церковь, армия) делают много созидательного⁷.

Чтобы понять психологию масс, Московичи предлагает обратиться к функционированию психического аппарата «Я», который делится на две части: сознательную и бессознательную. Сознательная часть формируется в течение жизни, бывает разной у индивидов (может быть большей или меньшей), бессознательная часть, напротив, является врожденной, общей для всех и равномерно представленной в обществе. Первая — очень тонкая и временная, вторая — массивная и существующая длительное время. Бессознательное оказывает

определяющее влияние на поведение человека, и сильно оно так потому, что связано с древними инстинктами. У индивидов, находящихся в массе, до минимума снижается сознание, утрачиваются их собственные качества, бессознательное же почти полностью их поглощает, нивелирует и связывает накрепко вместе. Толпа достигает своего единства благодаря действию бессознательного. Масса развязывает в человеке стихию иррациональных сил, наполняя его огромной энергией. В современной психологической науке, отмечает Московичи, сформировался постулат: «все, что является коллективным, неосознанно, и все, что бессознательно, является коллективным». Первая часть постулата принадлежит Лебону, вторая — Фрейду⁸.

Согласно Московичи, существуют только два типа мышления: первый (принадлежит индивиду) использует идею-понятие и руководствуется логикой, второй (присущ массам) — идею-образ и ориентирован на историческую память и внушение. Невозможно обращаться к массам с целью их мобилизации на языке логики. Искусство управлять массами — это искусство управлять их воображением. Если мышление индивидов сознательно, то мышление толпы — бессознательно. В обыденной жизни обнаруживает себя первое, в состоянии гипноза индивида — второе. Мышление индивидов критическое, построенное на законах логики и использующее абстрактные понятия. Оно обращено к реальности, проверяется опытом, не принимается без доказательств. Мышление толпы автоматическое, образное, в нем господствуют стереотипные ассоциации, клише, глубоко укорененные в памяти. Массы не способны к абстрактным суждениям, логика и основанные на них доводы не воспринимаются. Массы не понимают разницы между реальностью и ее видимостью, истина им недоступна. Они подменяют действительность представлением о ней, нетерпимое настоящее — прошлым. Мышление толп — это всегда мышление уже виденного и известного. Возвращение массам критического мышления, устранение иллюзорного сознания влечет за собой ее распад, так как утрачивается способ связи, механизм превращения индивидов в массу⁹.

Мышление масс, по Московичи, отличается тремя основными чертами: безразличием к противоречиям, жизненностью и повтором. Безразличие к противоречиям проявляется, в частности, в смешении противоположных политических и этических идей: шовинизма и социализма, братства и ненависти и т.п. Противоречия могут придавать политическим тезисам некую таинственность,

⁵ См.: *Московичи С.* Указ. соч. С. 109, 110, 112, 113.

⁶ См.: там же. С. 27, 28, 107, 108, 120, 145.

⁷ См.: там же. С. 291, 292.

⁸ См.: там же. С. 125–127.

⁹ См.: там же. С. 127–131, 139, 140.

а потому — дополнительную авторитетность. Жизненность — это интуитивная способность, позволяющая выбрать решающую для массы идею из возможных. Ее сила состоит в том, чтобы не доказать с помощью аргументов, а показать контраст между идеей жизненной и не вполне. Жизненная идея не просвещает, а эмоционально захватывает. Повторяемость способна превращать идею-понятие в идею-действие, для чего политические лидеры используют в том числе массовые шествия и манифестации. Идеи, сведенные к коротким лозунгам и часто повторяемые, глубже проникают в сознание¹⁰.

В функционировании мышления масс, утверждает Московичи, основную роль играет механизм наложения и проекции. Наложение соединяет случайные идеи-образы на основе внешних признаков. В результате видимость приобретает свойство рассуждения, которое быстро переоскакивает от посылки к выводу, от части к целому, не проходя промежуточных этапов (например, дикарь, съедая сердце храброго врага, воображает, что сам становится храбрым). Проекция, перенося собственные бессознательные желания масс на внешний объект, стирает границу между действительностью и видимостью. Для толпы внешнее событие становится продуктом ее собственных желаний, и наоборот, свои фантазии толпа принимает за внешние события. Массы, живя ощущением внешней угрозы, могут увидеть в заурядном факте действительности угрозу себе, тем самым создавая обстановку паники, страха и ведя себя агрессивно¹¹.

Массы и индивид. Важнейшая черта толпы, согласно Московичи, — растворение в ней личности. Не имеют значения интеллектуальные и этические качества или социальный статус участников толпы. Человек, становясь частью толпы, теряет свои индивидуальные свойства. Находясь во власти масс, индивид теряет себя и смысл своего существования, утрачивает чувство безопасности и ищет защиту в сильных вождях. Он как бы забывает о своих высоких моральных установках и регрессирует к нижнему уровню ее членов. Иными словами, в массе последние становятся первыми.

¹⁰ См.: *Московичи С.* Указ. соч. С. 132–135.

¹¹ См.: там же. С. 129, 130. И далее: «Исходя из слабых признаков, толпа уверяет сама себя, что существует некая угроза, исходящая от той или иной группы, например, евреев или негров. Она приписывает им несуществующие преступления (ритуальные убийства, изнасилования и так далее), раздувает слухи и пускается в погромы или линчевания. Тот же прием работает и для создания легенд вокруг персон, вызывающих особое восхищение. Они дополняются волнующими эпизодами — для французов это мученичество Наполеона на острове Святой Елены, для христиан это распятие Христа и так далее, — где он предстает таким, каким его хотят видеть, а не таким, каким он был» (см.: там же. С. 130, 131).

Существует фундаментальный факт: каждый из индивидов может быть разумен, но собравшись вместе, они теряют это качество. Люди, собираясь в толпу, приобретают новую общую сущность, которая подавляет их личную волю и подчиняет коллективной воле. Такое давление оказывает двоякое действие: с одной стороны, человек ощущает себя уничтоженным, с другой — испытывает эйфорию всемогущества. Индивид, находясь в массе, принимает господствующие в ней эмоции и идеи под воздействием механизма внушения, описанного Фрейдом. Сознание человека в толпе помрачается: он либо предается мистическому экстазу, либо панике. Индивид, становясь частью массы, получает возможность слиться с массой, что освобождает его от одиночества, так свойственного современной западной культуре¹².

Индивид, испытывающий в условиях массы ее внушение или влияние, полагает Московичи, фактически впадает в невроз. Во-первых, он отвергает логическое мышление, предпочитая алогичное, во-вторых, его личность раскалывается на рациональное и иррациональное, на внутреннюю жизнь и внешнюю. В обоих случаях наблюдается утрата связи с реальностью и потеря веры в себя. Он оказывается в состоянии войны с самим собой, его индивидуальное «Я» сталкивается с его социальным «Я». В этом состоянии невроза он становится податливым, склонным к подчинению приказов вожака. Так же, как индивид растворяется в массе и становится набором имитаций, так и при неврозе его слова и действия являются повторением травмирующих воспоминаний его детства. Однако поведение в массе и невроз имеют различные последствия. В первом случае индивид получает способность существовать в массе и одновременно утрачивает способность жить один, во втором — он, напротив, замыкается на себе и утрачивает связь с массой. Воздействие со стороны массы социализирует индивида, невроз делает его асоциальным. И массы, и индивид могут быть безумными: безумие масс возникает вследствие избытка социальных связей, безумие индивида наступает из-за полной утраты с другими людьми. Внушение, которое испытывает индивид в массе или на приеме у врача, может иметь один результат — истерию, хорошо описанную психиатрами¹³.

Массы и идеология. Согласно Московичи, толпа сплачивается и приобретает форму благодаря ценностям и идеям, которые дают толпе общую цель, цементируют ее. В отличие от марксизма, для которого идеи есть лишь надстройка над базисом, психология масс считает их основой общества. Массы,

¹² См.: там же. С. 27, 37, 39, 41, 106, 107, 113, 125.

¹³ См.: там же. С. 42.

лишенные веры в идеи, распадаются. Идеи, проницающие толпы, по сути, представляют собой религию со своими догмами и пантеоном святых¹⁴.

Идеология, продолжает он, есть основа организации индивидов в массы, в век толп роль идеологии многократно возрастает. Идеи становятся значимыми не в силу их правильности, а потому что они воплощают в себе традицию. Идея проходит путь от сознания индивида в бессознательное толп и оттуда появляется как традиция, хранящаяся в памяти народа. Так, идеи свободы и равенства, проповедуемые философами эпохи Просвещения, во времена Великой французской революции приняли форму традиции, заимствованную у римлян и реализованную буржуазией. Идеи, принимая форму традиций и обычаев, императивных в своей очевидности, заряжают массы энергией. Традиции и обычаи воскрешают в сознании масс утраченный «земной рай» и тем самым нацеливают на преобразование действительности. Такая вера в будущий земной рай должна быть одновременно догматической и утопической¹⁵.

Догматизм верований масс диктуется необходимостью их защиты, так как всякий их пересмотр чреват распадом массы. В этих целях исключается всякая дискуссия, предлагаемые истины объявляются непогрешимыми, что так часто демонстрировали партийные идеологи. Абсолютные истины апеллируют не к разуму, а к вере. Идеологические догмы отличаются бескомпромиссностью, радикализмом и чистотой. Они освобождают людей от двусмысленности и придают им эмоциональность. Абсолютные истины питают убежденность в принадлежности к группе, которая «всегда права». Все это придает толпе фанатизм, нетерпимость, авторитаризм. Политические партии разных мастей превратили общественную науку в мифологию, перейдя к инквизиции и террору в отношении инакомыслящих. Вместе с тем толпы живут надеждой на будущее, а потому нормой их мировоззрения становится утопизм. Утопия проводит резкую границу между реальностью и чаемым миром, наполняя массы гневом в отношении первой и экзальтацией ко второму. Утопия приобретает форму инстинкта самосохранения, склонного к крайним проявлениям. Она отличается своеобразной логикой, противоречащей реальности, но внешне обосновывающей ее постулаты¹⁶.

Идеи, заключает Московичи, рожают амбивалентность толпы: с одной стороны, она проявляет радикализм и экстремизм в своем стремлении разорвать с прошлым (существующей властью

и другими социальными институтами), которое ее угнетает в том или ином отношении, с другой — демонстрирует консерватизм, установку на сохранение близких ей ценностей, в защиту которых действует радикально. Муссолини и Гитлер сумели соединить радикализм социалистических идей с шовинизмом, основанном на традиции¹⁷.

Массы и либидо. Как полагает Московичи, Лебон и Фрейд по-разному понимают категорию бессознательного: для первого это субстрат нации или расы, коллективная память, представленная у последующих поколений, для второго — это «Оно» и «сверх-Я», т.е. нечто, связанное с трансформацией инстинктов. Еще одно отличие между ними: по Лебону, индивид приобретает свойства человека толпы от нее самой; по Фрейду, свойства толпы уже находятся в индивиде, толпа лишь их развязывает, и индивид регрессирует до уровня массы¹⁸.

Московичи дает свою трактовку теории либидо Фрейда. Обычно, рассуждает он, допускается, что человек — существо общественное, по своей природе склонное к объединению с другими людьми. Однако психология толп исходит из обратного: природа индивида антисоциальна и содержит две наклонности, мешающие объединению в коллектив. Первая — нарциссизм, вторая — желание немедленного удовлетворения инстинктов (особенно сексуального). Нарциссизм (любовь к собственному телу и своему «Я») делает человека нечувствительным к желаниям других, нетерпимым ко всему, что не есть он сам. Индивид отказывается переносить свое либидо на других, кроме себя. Нарциссизм свойствен и массе: этнос, народ, класс, нация, государство, любя себя и восхищаясь собой, могут испытывать ненависть к другим аналогичным группам. Ксенофобия, шовинизм и расизм, словом, ненависть к другому есть естественное следствие нарциссизма. Немедленное удовлетворение сексуального инстинкта также препятствует созданию долговременных социальных связей: как только желание удовлетворено, у партнеров пропадает необходимость быть вместе¹⁹.

Либидо, по Московичи, имеет свойство делиться на две части: одна часть (нарциссическое либидо) видит свой объект в «Я», вторая часть (эротическое либидо) ищет объект на стороне. Вот эта вторая часть либидо, преодолевая сопротивление нарциссической его части, и становится объединяющей связью индивидов в коллектив. Идея о делимости либидо на две части особенно показательна, указывает Московичи, на примере искусственных толп (армия, церковь), которые имеют два полюса:

¹⁴ См.: *Московичи С.* Указ. соч. С. 151, 156, 157.

¹⁵ См.: там же. С. 152.

¹⁶ См.: там же. С. 154, 155.

¹⁷ См.: там же. С. 150.

¹⁸ См.: там же. С. 289, 290.

¹⁹ См.: там же. С. 297, 298.

вождь и масса. Вождь отличается последовательным нарциссизмом, любви к другим у него нет. Власть и положение вождя обеспечивают ему возможность любить только себя и наслаждаться своим одиночеством. Он самодостаточен и не боится потерять любовь других (друзей, подчиненных, подвластного населения). Толпа, напротив, состоит из индивидов, которым необходимо чувствовать себя любимыми и любить самим. Индивид из массы зависим от проявлений эротического либидо, общего для всех. В логически очищенном виде модель постоянного коллектива такова: вождь любит только самого себя, люди-масса любят других, не имея возможности любить себя. Нарциссизм — это необходимое качество стремящегося к вождизму человека: он идет к власти, чтобы иметь возможность быть одному и любить только самого себя²⁰.

Согласно Московичи, индивиды, составляющие искусственные коллективы, пожертвовали любовью к себе, победив тем самым свои антисоциальные наклонности. Любовь к другим членам коллектива распространяется в том числе на вождя. Однако массы предпочитают не признавать, что их вождь — нарцисс, в противном случае социальные связи начали бы распадаться. Таким образом, связь между вождем и подвластными строится на основе любви индивидов друг к другу и к вождю, но при условии предполагаемой ответной любви вождя к массам. Иными словами, связь масс и вождя строится на самообмане масс, на иллюзии, при разрушении которой рушится власть, существующая иерархия общественных отношений. Нарциссизм вождя и иллюзии масс относительно своего вождя — основа существования искусственных коллективов. Поэтому, заключает Московичи, вождь — это основа искусственных толп, у которых есть две угрозы: 1) риск утраты иллюзии относительно любви вождя к массам; 2) неравномерность показной любви вождя к индивидам массы²¹.

Идентификация. Связь между людьми, утверждает Московичи, делает более устойчивой механизм идентификации, описанный Фрейдом. В результате идентификации один человек отождествляет себя с другим на основе эмоциональной привязанности. Идентификация имеет две цели: 1) устранить угрозу быть изгнанным из среды, в которой индивид находится; 2) присвоить другого человека путем слияния с ним, а точнее — растворения его в себе (Людовик XIV: «Государство — это я!»)²².

Идентификация, по Московичи, меняет природу человека настолько, что он становится копией объекта идентификации. Еще в детстве

идентификация формирует в ребенке модель желаний родителей (например, набор свойств, которые родители хотели бы видеть в ребенке), что выступает основой будущих социальных связей. Идентификация, поскольку она включает в себя повторение, борется против любого изменения, которое могло бы нарушить коллективное однообразие. В этом отношении идентификация заставляет человека регрессировать от своей индивидуальности к некоей усредненной социальности, что обеспечивает его связь с другими людьми. Стремление к регрессии, возвращая индивида к ранее выбранным моделям подражания, делает социальные связи стабильными²³.

Следствие идентификации, заключает Московичи, — формирование «сверх-Я» («идеала-Я»). Выполняя их требования, человек может испытывать удовольствие, сходное с сексуальным удовлетворением. Если в детстве «сверх-Я» — требования родителей, то во взрослой жизни за «сверх-Я» часто стоят политические вожди, выполнение требований которых тоже может доставлять удовольствие²⁴. Из «сверх-Я» вытекает любая мораль и любая политика. «Сверх-Я» формируется не по образу только отца, но и матери тоже, из чего следует вывод: «сверх-Я» — это образец поведения социальной мини-группы. Соответственно, за «сверх-Я» стоит и общество в лице той среды, к которой принадлежит индивид. «Сверх-Я» представляет собой наивысшую инстанцию эволюции человечества, является гарантом всех его социальных функций, религии и идеологии. «Сверх-Я» заставляет чувствовать свою ответственность за выживание культуры²⁵.

Эрос и Мимесис. В основе социальных связей толп, рассуждает Московичи, лежат механизмы любви (Эрос) и идентификации (Мимесис), что предполагает две группы желаний. Первая — желания влюбленности, которые стремятся отвлечь личность от самой себя, чтобы объединить с другими. Вторая — миметические желания, т.е. стремление к идентичности, исключительной привязанности к другому. Первая группа желаний подталкивает индивида объединяться с людьми, которыми он хотел бы обладать, вторая — толкает его к людям, являющимися для него моделью подражания. На уровне индивида эротическая тенденция преобладает над миметической, на уровне массы — наоборот. Данный подход, подчеркивает Московичи,

²³ См.: там же. С. 313–315.

²⁴ В этом отношении показательная фраза одного из вождей Третьего рейха Геринга: «У меня нет совести, моя совесть — это фюрер».

²⁵ См.: Московичи С. Указ. соч. С. 320–323.

²⁰ См.: Московичи С. Указ. соч. С. 299, 301, 302.

²¹ См.: там же. С. 303.

²² См.: там же. С. 311, 312.

хотя и отталкивается от теории Фрейда, но не соответствует ей²⁶.

Согласно Московичи, толпа характерна сильным принуждением к равенству. Требование равенства к другим строится на чувстве ревности и эгоизме индивида. Индивид одновременно стремится к собственной исключительности и к требованию запрета на исключительность другого. Ревность к исключительности других и возникающая на этой основе враждебность ограничивается враждебностью со стороны других лиц. В этом случае взаимная враждебность угрожает собственным интересам индивидов, что рождает потребность договариваться и объединяться в союз. «Одни отказываются от привилегии, от прошлой исключительности, другие — от идеи получить ее в будущем. По ходу дела дистанция недоверия и ненависти сокращается, все идентифицируются друг с другом, копируют и повторяют друг друга, занимают одинаковой деятельностью, успокоенные в какой-то мере тем, что находят удовольствие в имитации. При этом они продолжают следить друг за другом, чтобы никто не добился ни большей милости, ни какого-то особого покровительства»²⁷. Установление равенства воспринимается как освобождение от бремени ревности и враждебности, любовная склонность заменяется взаимной идентификацией индивидов. В результате у индивидов, состоящих в массе, возникает чувство общей судьбы, единого духа, основными чертами которого становятся требования равенства и справедливости²⁸.

Равенство, продолжает Московичи, блокирует зависть и соперничество. Индивид, находящийся в массе, отказывается от своих самых интимных желаний и требует от других того же. Часто это выражается в лицемерии. Счастье заменяется чувством равноправия и единой судьбы с массой. Любая попытка проявить свою индивидуальность рассматривается как покушение на негласный договор об установлении равенства. В этом смысле равенство и справедливость всегда есть насилие над личностью, а демократия предполагает строгую внутреннюю дисциплину. Между индивидом и демократией всегда существует скрытое напряжение, при определенных условиях готовое прорваться. В то же время нивелирование личности снимает психологические барьеры между людьми, внося в массу известную гармонию и некоторый беспорядок. Масса начинает напоминать броуновское движение, но существующее в заданных рамках. Такая особенность масс позволяет говорить

об их анархичности, что доставляет индивидам имитационное наслаждение. Таким образом, толпа одновременно представляет собой средство крайнего принуждения и крайнего индивидуализма. По логике Московичи, индивидуализм проявляет себя парадоксальным образом: человек получает удовольствие, отказавшись от самого себя²⁹.

Но, утверждает Московичи, господствующая в массах идея равенства имеет одно исключение: она не распространяется на вождя. Массы, развивают он свою мысль, могут легко переходить от паники к террору. В первом случае действует деидентификация, во втором — сверхидентификация индивидов, растворенных в толпе. В основе обоих процессов лежат взаимоотношения между массой и вождем, что хорошо видно на примере армии. Если масса считает (пусть даже иллюзорно), что она любима вождем (военачальником), она спланивается вокруг него, если она считает себя покинутой им, масса теряет идентификацию, у нее возникает чувство заброшенности, что рождает агрессию индивида как против себя, так и против массы. В условиях паники всплывают старые страхи, все кажется враждебным. Паника ничего нового не создает, она лишь позволяет проявиться старым страхам³⁰.

В условиях коллективного разложения, делает вывод Московичи, механизм влюбленности и мимесиса действует только в отношении самого индивида, он ищет спасение в исключительной любви к самому себе, которая, как он полагает, позволит ему выжить. Сокращение идентификации ведет к увеличению влияния Эроса, что наглядно проявляется в экстремальных ситуациях («пир во время чумы»). Если идентификация берет верх, масса обращается к заменителю вождя, делая из него источник своих бед: им становятся евреи, чернокожие, бедные, богатые, большевики и т.д. Паника представляет собой нарциссическую инфекцию. Покончить с паникой можно только с помощью твердого управления, которое восстановит механизм идентичности. При панике индивид обращает свой страх против толпы и слепо ее разрушает, при терроре толпа направляет свой страх против человека. Такая толпа в экзальтации приносит в жертву всех, кто не разделяет ее устремления. Данное насилие всегда происходит от психологической нищеты масс, когда под угрозой оказывается либо любовь, либо идентичность³¹.

Гипотеза первобытной орды. Московичи проецирует гипотезу Фрейда об акте отцеубийства, совершенном в первобытной орде, на диктатуры

²⁶ См.: *Московичи С.* Указ. соч. С. 323, 324.

²⁷ Там же. С. 326.

²⁸ См.: там же. С. 325–327.

²⁹ См.: там же. С. 327–329.

³⁰ См.: там же. С. 329–331.

³¹ См.: там же. С. 332, 333, 335.

всех времен и народов, включая XX в. С его точки зрения, массы, не желая того, хранят следы своей древней жизни и первобытных времен; в настоящем повторяется прошлое. Воскресший отец, рассуждает он, проявляет себя в диктаторской власти харизматического вождя (например, Марка Антония или Сталина). Харизматический вождь, уничтожая своих политических противников, как бы заставляет их искупить свою вину перед убитым братьями отцом. Вождь, осуществляющий политический террор, чувствует себя освобожденным от вины, перекадывая ее на репрессируемых. Уничтожая своих противников, вождь фактически борется с любым поползновением его убить, т.е. повторить убийство первобытного праотца. Убийство отца заканчивается резней сыновей. В результате террора вождь сосредоточивает в своих руках власть, распределенную ранее между всеми политическими деятелями (братьями). Борьба за равенство (убийство отца) в итоге ведет к возвращению неравенства между вождем и массами. Вождь, участвовавший в революции ради равенства, придя к власти, восстанавливает иерархию и привилегии (например, Наполеон или Сталин)³².

Ставший вождем после убийства отца и занявший его место, продолжает Московичи, все равно считается узурпатором, укравшим власть отца у своих братьев. С целью удержания власти он вроде бы должен принять закон братского клана и привести в соответствие с ней свою власть. Однако этого не делается. Вождь сохраняет форму клана, но изменяет его содержание³³. Харизматический лидер одновременно воплощает в себе убитого отца и героя-сына, его убившего. Массы подчиняются ему в силу двух обстоятельств: проявляют к нему любовь, видя в нем воскресшего вождя, и испытывают страх перед его жестокостью, которую он продемонстрировал, убив своего отца и своих братьев. Сила вождя исходит от этой двойственности³⁴.

Гипотезу первобытной орды Московичи объясняет с помощью механизма идеализации. Акт отцеубийства и узурпация власти одним из братьев

впоследствии возвращается в сознание масс в качестве воспоминания и символов. Массы повинуются вождю, представшему им в качестве его идеала. Подчинение осуществляется благодаря не физической силе, а действию идеального образа, хранимого массовым сознанием. Отныне борьба с властью означает борьбу не с конкретным человеком, а с идеалом. Таким образом, освободившись от рабства конкретного вождя, человек становится рабом идеала, живущего в его собственном сознании. Рабство оказывается не физическим, а мыслительным актом, что еще более укрепляет состояние рабства³⁵.

Фрейд связывает гипотезу первобытной орды с возникновением религии. То же делает и Московичи, но в основном применительно к механизму реализации власти. Для масс (в том числе искусственных масс — армии, церкви, партии), указывает он, характерны верования, которыми они скрепляются. Вождь, поскольку он соединяет в себе отца-основателя и героического сына, убившего отца, несет в массы систему верований, закрепляющую власть вождя над массами. Массы нуждаются в религии, которая может быть либо сакральной (вера в Бога), либо светской (вера в иные, кроме Бога, объекты: природу, историю, родину, индустрию). Проникая в поры массового общества, светская религия становится сутью человеческой жизни, верой, без которой все умирает. Впервые светская религия появляется в эпоху Великой французской революции. Робеспьер первым признал в ней самое мощное средство возрождения нации³⁶.

Светская религия, согласно Московичи, имеет три основные функции. Первая состоит в создании единой картины мира, поскольку только она дает человеку твердую почву под ногами и возможность строить планы на будущее. Светские религии объясняют происхождение общества (нации, расы, класса и т.д.) и описывают его становление вплоть до состояния совершенства. Вторая функция имеет цель гармонизировать общественные отношения, что предполагает предложение концепций по реформированию социального мира. В этом смысле светская религия является религией надежды. Светская религия, предлагая массам социальный идеал и создавая тем самым ценностную шкалу, разделяет поступки на разрешенные и запрещенные. Третья функция призвана спрятать тайну, которую скрывает светская религия. Эта тайна лежит в основе иерархической организации масс (партии, церкви, армии). Всякая попытка разоблачить тайну рождает страх и гнев масс и ее вождей³⁷.

³² См.: *Московичи С.* Указ. соч. С. 359, 365.

³³ «Уважая равноправный характер клана, одинаковый для всех, он добавляет к нему запрещение и внешние санкции, которые принимают в расчет относительную силу каждого. Равные перед законом люди больше не равны перед наградами и наказаниями. То, что позволено высшим, запрещено низшим. Перейдя в руки нового отца, ставшего судьей и обвинителем, закон трансформируется. Он больше не власть, а лишь инструмент власти. Отныне он включает два веса и две меры: одни — для господствующих, другие — для подчиненных. Другими словами, женское изобретение закона превратилось в матрицу мужского творения, в порядок, то есть в право, ограниченное властью, в патриархальный порядок» (см.: там же. С. 366).

³⁴ См.: там же. С. 367.

³⁵ См.: там же. С. 369.

³⁶ См.: там же. С. 414–416.

³⁷ См.: там же. С. 416–419.

Третья функция светской религии (охрана тайны), полагает Московичи, связана с гипотезой Фрейда о первобытной орде. Светская религия, утратив свой сакральный характер, не перестает быть религией, а значит, укладывается в рамки гипотезы об убийстве праотца его сыновьями. Всякая религия (в том числе светская) является делом рук сыновей-заговорщиков, а не отцов-основателей. У них есть все основания создавать иллюзии относительно происхождения нового общества и роли в нем каждого из них. Тайной новой религии становится убийство сыновьями-братьями своего отца. Пролитая кровь отца стала объединяющим ядром братьев в правящую касту, а индивидов — в общество. В основе большинства социальных институтов лежит заговор молчания. Религия снимает с братьев обвинение в убийстве и одновременно дает им в руки законную власть. Попытка пробиться к истине о происхождении власти может стать источником конфликтов, только вера способна внести спокойствие в общество³⁸.

Показательный пример светской религии, имеющей корни в акте первобытного отцеубийства, убежден Московичи, — знаменитые московские процессы 1936–1938 гг. Эти процессы превращают политический мир в мир религиозный, так как их участники призваны признать ошибку и совершить акт ее искупления. «Каждый по-своему оказывается мучеником: и тот, кто берет на себя преступление, которого он не совершал, и тот, кто обвиняет его в мнимых злодеяниях во имя сохранения общих ценностей революции, которую они совершили вместе»³⁹. Сущность обвинения остается туманной. Создается впечатление, что обвиняемые виновны не в том, что они совершили, а в факте их собственного существования. Смертный приговор, который им выносят, воспринимается как приговор Бога, который наказывает не за проступки, а за сам факт существования подсудимых. Если они чего-то и боятся, так это плохо сыграть отведенную им роль, скрыть то, о чем должны молчать, скомпрометировать партию, которой преданы всей душой. Признавая обвинения, они скрывают свое соучастие с обвинителями в общих преступлениях. Признания обвиняемых сохраняли основополагающую тайну революции и истоки нового общественного строя. Обвиняемые — это часть братьев, убивших отца, но считающих своим долгом скрыть эту тайну, даже находясь в положении подсудимых. Московичи уверен, что смерть Ленина, коллективное руководство и затем установление Сталиным личной власти хорошо иллюстрирует гипотезу Фрейда о первобытной орде. Культ отца связан с рождением светской религии. Пример

тому — Сталин и Ленин. Харизматичный правитель воскрешает первичный образ убитого праотца, совмещающего его со своим собственным образом⁴⁰.

Московские политические процессы, заключают Московичи, закрывают путь к истине, запрещают свободные исторические исследования, становясь черной дырой в исторической памяти. Отныне история становится системой верований, набором догм. Политико-историческая доктрина сближается с религией, а свободной мысли устанавливается запрет. Если сакральные религии строятся на отказе от инстинктов, то светские религии — на отказе от разума и истины. Любая светская религия содержит тайну, выходящую за рамки разума и объединяющую массы. Ослабление этого действия ведет к дроблению на фракции внутри партии или к возникновению движений внутри нации⁴¹.

Массы и вожди. Московичи ставит перед собой цель понять причины неразрывной связи вождя с народом. Как он полагает, появление вождей есть проявление человеческой природы, массы в силу своей духовной нищеты требуют вождей. Народ и вождя связывает власть, народ власть завоевывает и удерживает, а вождь ее домогается, обещая массам реализовать их мечты. Любые выборы, любая деятельность масс становится плебисцитом вождя. Между массами и вождем существует неразрывная связь, превращая народ в тень вождя. Сама масса превращает вождей в полубогов. Вождь соединяет вещество (массы) и форму (идеологию). Вождь — это выходец из толпы, захваченный верой раньше и глубже других. Любимый великий вождь — фанатик. Фанатизм рождает доверие в массах. У вождя смелость, воля к действию преобладает над интеллектом⁴².

Для вождя, утверждает Московичи, недоступны два способа повлиять на массы и побудить их к действию: сила и разум. Физическое насилие, рождающее в массах страх, делает их апатичными к предлагаемой политике и породит общественное лицемерие. Аппелировать к разуму масс вождь также не может, так как властные отношения между ними глубоко иррациональны. Любая дискуссия, предполагающая опору на здравые аргументы, способна подорвать власть вождя. Вождю остается только третий путь — оболыщение масс, т.е. перенесение их в иллюзорный мир⁴³.

Портрет вождя. Согласно Московичи, между великими людьми (вождями) и обычными есть различия. Великий человек контролирует свое

³⁸ См.: *Московичи С.* Указ. соч. С. 418–422.

³⁹ Там же. С. 423.

⁴⁰ См.: там же. С. 423–426, 431, 433–442.

⁴¹ См.: там же. С. 426, 427, 429, 430.

⁴² См.: там же. С. 25, 29, 30, 159, 160, 448.

⁴³ См.: там же. С. 176–178.

сознание и свои инстинкты, обычный человек не способен быть хозяином самому себе, он сливается с массой. В великом человеке четко различаются «сверх-Я» и «Я», очень любящее себя. Он самодостаточен и занят самим собой. Великий человек может быть лидером, взять ответственность на себя, отвергнуть существующий порядок вещей, дать импульс развитию культуры. Сильное «сверх-Я» делает его фанатиком и наполняет энергией. Массовый (тотальный) человек также отличается любовью к себе, эгоизмом, но у него доминирует эротическая составляющая либидо. Главное для него — любовь других, ее потеря будет для него большой утратой, что делает его зависимым от других. Чтобы сохранить любовь других, массовый человек готов отказаться от удовлетворения своих влечений. Для массового человека характерно сочетание нарциссического либидо и эротического.

Вождь разделен двумя противоположными силами: любовью и идентификацией, Эросом и Мимесисом. Он ощущает напряжение между крайним индивидуализмом и крайней общительностью. Это напряжение великого человека есть следствие полной идентификации его с какой-то идеей, группой или идеальной личностью. У обычного человека между Эросом и Мимесисом царит гармония. У вождя конфликт Эроса и Мимесиса разрешается в пользу второго. При выборе между кругом его родных, близких и знакомых, не отличающихся богатством, знатностью и влиянием, и кругом людей элиты великие люди всегда отдают предпочтение вторым, т.е. идентификации с ними. «Главное для них — быть похожими на высших существ, уравнивать себя с их образцами»⁴⁴.

Авторитет вождя. Вождь, по Московичи, разделен авторитетом, который становится гипнотической силой, способной воздействовать на толпу. Авторитет делает возможным властвование вождя без опоры на угрозу физического принуждения. Вождь с неизбежностью становится одиноким, бывшие соратники и друзья переходят в разряд его подчиненных. Пирамида власти так устроена, что на вершине может оставаться только один, вождю не может быть равных.

Авторитет, убежден Московичи, — это дар, присущий только некоторым людям и требующий постоянного укрепления. В авторитете слиты два качества вождя: его убежденность и отвага, что в политологии получило название «харизма». Условие авторитета — внушение страха, пресекающего любую дискуссию, так как оспариваемый авторитет — уже больше не авторитет. Вождь создает иллюзию обладания эзотерическим знанием, хранителя

тайны, которой не обладают массы. Авторитет есть иллюзия, создаваемая и вождем, и массой.

Московичи предлагает различать авторитет должности и авторитет личности. В массовом обществе главную роль играет авторитет личности (вождя). Вождь, утративший личный авторитет, вынужден прибегать к насилию. Авторитет личности страдает тем недостатком, что ему недостает законного основания. Он может быть низвергнут в любой момент, как только исчерпается дар вождя, его способность к господству. Авторитет вождя, основанный на личных качествах, требует постоянного подкрепления в виде успеха. Вождь, действующий на основе авторитета личности, всегда будет восприниматься узурпатором, что заставляет его расправляться с возможными институциональными претендентами на власть. В век толп даже законно получивший власть вождь, по существу, является узурпатором, поскольку, чтобы успешно управлять, он должен обладать качествами народного вождя.

Вожди, способные сохранить свой авторитет безупречным, — это мертвые вожди. Если к живым вождям массы питают любовь и ненависть, то мертвые вожди — это воскресшие боги, стоящие вне критики и требующие безусловного поклонения. В этом отношении мертвые вожди опаснее живых, так как разрушение их авторитета ведет к разрушению толпы⁴⁵.

Вождь как символ прошлого. Наряду с механизмом Эроса и идентификацией, полагает Московичи, на психологию масс влияет еще и третий, связанный с памятью масс. Память у народа долгая, поскольку в психической жизни ничто не теряется, все может возвратиться при определенных условиях. Для людей характерно смотреть на настоящее через призму прошлого. Харизматический вождь возрождает образы прошлого, что аккумулирует энергию масс и вызывает немедленную реакцию повиновения.

По Московичи, постулат науки о массах гласит: впечатления прошлого сохраняются в психической жизни масс в форме «мнестических» (связанных с памятью) следов. При определенных обстоятельствах их можно восстановить и оживить. Чем следы прошлого древнее, тем они лучше сохраняются.

Московичи описывает механизм исторической памяти. Сначала память конструирует модель прошлого, выбирая только то, что она готова хранить. Благодаря идентификации герои прошлого ретушируются, что делает их образцами для всех. Затем память наполняет восстановленные образы эмоциями большой силы. Поскольку историческая память избирательна, даже самые тяжелые страницы

⁴⁴ Московичи С. Указ. соч. С. 377, 378, 383.

⁴⁵ См.: там же. С. 167—176.

истории (в том числе о кровавых тиранах) народная память подает в форме, отвечающей желаниям масс. Ностальгия смягчает контрасты истории, историческая память совмещает несовместимое, делает неправдоподобное правдоподобным. В этом смысле события прошлого никогда не кажутся такими, какими были на самом деле. Таким образом, исторические картины прошлого — это продукт воображения⁴⁶. Фрейд это называл возвращение вытесненного.

Типы вождей. Московичи различает вождей двух типов: вожди типа Моисея и тотемические вожди. Вожди моисеева типа стремятся изгнать свое представление в образах, отказаться от него или от того, чтобы сделать из него орудие власти. Они сдерживают стремление подражать им и видеть реальность их глазами. Они борются против превращения веры в суеверие, харизмы — в амулет, их личности — в идол. Тотемические вожди, напротив, поддерживают культ их личности. С этой целью они создают пышную атрибутику (ритуалы, обряды), подчеркивающую их превосходство. Так поступали отцы христианской религии, приспособив пышные языческие обычаи для упрочения своей власти. Тотемические вожди создают пантеон знаков своей власти, делают из себя кумиров, чтобы легче подчинить себе толпы. Во множестве изготавливаются изображения вождя, которые можно встретить в публичных местах и в каждом доме.

Отличие между вождями обоих типов, продолжает Московичи, состоит также в том, что вожди моисеева типа хотят идентифицировать массу с религией, тотемические вожди — с самими собой. Первые стараются уничтожить внешние атрибуты власти, сделать свое поведение сдержанным, а свою власть незаметной. Тотемические вожди выставляют напоказ свои якобы необыкновенные качества, создают образ своего всемогущества и непогрешимости. Вожди моисеева типа требуют от масс (так же, как и от себя) укрепления их «сверх-Я», контроля над своими желаниями и инстинктами. В этом случае самооценка народа возрастает, он начинает чувствовать себя избранным для исключительной миссии. Тотемические вожди, напротив, не заботятся о воспитании масс, они их подчиняют такими, какие они есть. Вожди этого типа потворствуют инстинктам масс, обещая им полное их удовлетворение. Массы ждут от такого вождя чуда, верят в его всемогущество, что погружает массы в мир иллюзий. Тотемические вожди рассматривают идеи (например, христианство, социализм) в качестве средства удовлетворения инстинктов масс. «Сверх-Я» оказывается под большим прессингом в пользу удовлетворения «Я», что

снижает уважение масс к себе и возвышает в их глазах авторитет вождя.

В массовых обществах, заключает Московичи, преобладают тотемические вожди (Наполеон, Сталин), вожди моисеева типа — Маркс, Ленин. Последовательная смена моисеевых и тотемических вождей наблюдается в социалистическом движении: Маркс и Лассаль, Ленин и Сталин⁴⁷.

Вожди и гипноз. Политические вожди, отмечает Московичи, часто демонстрируют технику гипноза в отношении масс. Убеждения и действия масс можно рассматривать как результат команд, исходящих от вождя. Политический гипноз — это психический акт, состоящий в навязывании вождем своих идей массам. Благодаря психическому взаимодействию массы воспринимают идеи в форме образов, возникшие образы закрепляют воспринятые от вождя идеи. Перевод политических идей в образы сопровождается сильным эмоциональным воздействием. Гипноз активизирует память, ввиду чего идеи закладываются глубоко в сознание.

Гипноз толп, разъясняет Московичи, включает в себя три элемента: 1) сила передаваемой идеи; 2) немедленный переход от образа к действию; 3) смешение ощущаемой реальности и реальности внушенной. Гипноз строится, в частности, на предрасположенности каждого человека и масс в целом воспринять внушение. Гипнотическое воздействие распространяется волнами. Первая исходит непосредственно от вождя, последующие передаются самими участниками толпы, включая второстепенных лидеров. Средства массовой информации многократно усиливают и ускоряют данное гипнотическое воздействие.

Вследствие гипнотического воздействия вождя, указывает Московичи, массы переходят от ясного сознания к состоянию грез. Оказавшись во власти этого магнетизма, люди утрачивают сознание и волю, превращаясь в роботов. Благодаря психическому заражению люди массы механически копируют друг друга, толпа превращается в социальный автомат, неспособный ни рассуждать, ни творить, но готовый разрушать. Толпы видятся такими угрожающими, поскольку пребывают в плену навязанных им грез.

Политический гипноз предполагает также театральность, инсценировку (военные парады, съезды партий), внешнюю атрибутику, призванную наглядно продемонстрировать мощь внушаемых идей⁴⁸.

Массы и политика. Согласно Московичи, всякая политика, опирающаяся на интересы и разум человека, смотрит на социальный мир сквозь розовые

⁴⁶ См.: Московичи С. Указ. соч. С. 352–354, 356–358.

⁴⁷ См.: там же. С. 403–408.

⁴⁸ См.: там же. С. 117–123.

очки. Власть, пытающаяся быть рациональной и оперировать логикой, отвергающая характер масс, живущих эмоциями и мифами, чужда массам. Даже в современном мире экзотическое преклонение перед властью, идолопоклонство не является экзотикой. Массы с огромной скоростью переходят от восторженного свободолюбия к жесткому подчинению, сосредоточиваясь вокруг правителя. Массы получают удовольствие от преклонения перед властью. Благодаря восхождению масс в современном обществе возрождается иррационализм, свойственный примитивным культурам. Иррациональность становится стержнем власти, она нарастает по мере усиления прессинга на индивида со стороны масс. Разум отступает перед страстями, что приобретает характер эпидемии⁴⁹.

Любое общество (особенно современное), утверждает Московичи, содержит в себе неразрешимое противоречие: с одной стороны, оно нацелено на рациональную организацию социальной жизни (хозяйства, государственного устройства, политики), с другой — массы скрепляются силой иррациональных механизмов. Любая мобилизация масс для достижения рациональных целей невозможна без опоры на их иррациональность. Управление людьми требует иррационального (эмоционального) на них воздействия в форме идеологии и пропаганды. Механизм власти неизменен: господство большинства (масс) над меньшинством беспрестанно возобновляется и повторяется, т.е. иррациональность масс с неизбежностью предопределяет иррациональность политики. Разрушительные эмоции всегда живут в массах и прорываются при возникновении экстремальной ситуации. Такая асимметрия между рациональным и иррациональным препятствует социальному равновесию и стабильности, но управлять массами, убежден Московичи, невозможно посредством разума⁵⁰.

Как полагает Московичи, классическая политика, основанная на разуме и интересах, обрекает себя на бессилие, поскольку рассматривает массу не в качестве органического целого, а как сумму индивидов. Либеральная демократия, построенная по лекалам просветителей, дает существенные сбои (например, приводит к власти таких диктаторов, как Муссолини и Гитлер). Поскольку ценности и нормы либеральной демократии были придуманы меньшинством для меньшинства, они непонятны массам, живущим в другой системе координат. Погоня за демократическими идеалами лишь порождает глубокое разочарование. Востребован политический режим, основанный на подчинении масс одному вождю. Толпы

ниспровергают основы демократии, заложенные буржуазией и развитые социал-демократами. И либералы, и социал-демократы создали управление посредством выборного меньшинства на основе всеобщего избирательного права. Но отказавшись видеть в массах психическую природу, они обрекли себя на перманентную слабость. Их правительства демонстрируют постепенность и размеренность, а массы требуют революционных действий⁵¹.

Существо власти, уверен Московичи, заложено в законах человеческой природы, и политика должна им следовать. Политика есть рациональная форма использования иррациональной сущности масс, что подтверждает психология. Наличие масс требует две вещи: найти вожака и умение управлять эмоциями масс. Источником и прототипом всякого авторитета является отец. История политических режимов есть история изменения власти отцовского типа. Бюрократия, партия, государство — это все разновидности власти отца. Организовать массы, привести в движение могут только две вещи: страсть и верования. И то и другое рождает веру в вождя, с которой массы связывают свою силу и свои перспективы⁵².

Вождь способен дать массам простые ответы на их вопросы, он выражает их самые сокровенные мысли и желания. Массы видят, интуитивно чувствуют в вожде чаемое обновление жизни. Экзальтация придает массам силы и мужество переносить тяготы и лишения, претерпеваемые ими при достижении целей, указанных вождем. Эмоциональная энергия делает их бесчувственными в той мере, чтобы совершать насилие по приказу вождя. Чтобы эффективно править, вождю необходимо чувствовать энергию масс и уметь направлять их аффекты. Утрата экзальтации и веры в мечту, эмоционального напряжения ведет к растерянности и панике внутри масс. Выход из такой психической прострации — обретение нового вождя. И здесь Московичи делает знаменательный вывод: стихийно массы стремятся не к демократии, а к деспотизму⁵³.

Либеральная демократия как форма деспотизма. Массовое общество, утверждает Московичи, стремится к равенству, и ни один правитель не станет защищать неравенство. Все политические проекты ориентируются на главенство фактора равенства, преобразуя под него фактор свободы, убеждая людей отказаться от нее. Нестабильность массового общества рождается из противоречия равенства и свободы. Есть два пути разрешения данного конфликта. Первый состоит в передаче власти одному лицу, второй — коллективному органу. В первом

⁴⁹ См.: *Московичи С.* Указ. соч. С. 58, 59, 64, 65.

⁵⁰ См.: там же. С. 60–63.

⁵¹ См.: там же. С. 59, 60.

⁵² См.: там же. С. 60, 63, 66.

⁵³ См.: там же. С. 65–67.

случае все заканчивается демократическим деспотизмом, во втором — деспотической демократией⁵⁴.

Демократический деспотизм, продолжает Московичи, начинается с Наполеона, который совместил в своем лице защитника равенства со стремлением к безграничной власти. Сталин также, как настоящий император, сосредоточил в своих руках абсолютную власть, войдя при этом в образ защитника народных интересов. Авторитарные и харизматические лидеры, сохраняя видимость демократии, постоянно подтверждают идею всеобщего равенства путем регулярных плебисцитов⁵⁵.

При деспотической демократии власть принадлежит бюрократии, управленческому аппарату, который смотрит на общество и государство как на национализированное предприятие. Деспотическая демократия — это власть партии, ставшей правящей в результате выборов (либеральные демократы в Японии, христианские демократы в Италии, коалиция голлистов и либералов во Франции). Принцип организации и функционирования такой партии — олигархический: узкая группа руководителей партии решает кадровые вопросы, выдвигает кандидатов на государственные должности, путем кооптации пополняет свои ряды. Кооптация приобретает особое значение, поскольку, с одной стороны, она внешне отвечает принципам демократизма, с другой — позволяет выдвигать преемника партии, исходя из интересов партийной олигархии. Парламентские или президентские выборы здесь также оказываются плебисцитом о доверии кандидатам, предложенным партийной олигархией и завуалированным под всеобщее избирательное право. Вопрос о власти представляется массам второстепенным, поэтому большинство общества часто утрачивает к ней всякий интерес, оставаясь молчаливым и пассивным. Данный тип власти навязывает обществу однообразие, конформизм, ограничивает свободу узкими рамками⁵⁶.

При обоих типах власти, доказывает Московичи, возможность общества контролировать власть сводится к нулю. Демократия сохраняется юридически и хиреет фактически. Массовые общества варьируют от демократического деспотизма до деспотической демократии, пытаясь найти формулу равновесия.

В этом отношении, полагает психолог, классическим образцом является Франция (начиная с 1789 г.).

Согласно Московичи, понятия «тоталитаризм», «авторитаризм», «культ личности» вполне укладываются в категорию западного деспотизма. Особенность западного деспотизма — развитая система коммуникаций, позволяющая эффективно внедрять в сознание масс идеологические клише. Восточный деспотизм формирует и осуществляет свою власть над обществом путем организации производства: контроль над потребностями и распределением материальных благ (пища, вода) перерастает в контроль над людьми.

Есть различия, указывает Московичи, между древним деспотизмом и современным. Древний деспотизм строился на узаконенном неравенстве. Личность правителя освящалась религией, его падение или смерть должны были вызывать ужас, рассматривались как знак нарушения порядка вещей. Современный деспотизм опирается на исключительность ситуации (экономический кризис, война), требующей мобилизации масс и появления вождя. В эти периоды власть пополняется бывшими политическими узниками тюрем и изгнанниками, в которых масса видит исключительных людей. Все формы ереси и неповиновения, бывшие при прошлой власти, становятся источниками легитимации новых правителей. Ранее неизвестная личность быстро становится широко узнаваемой, толпа превращает его в героя, узурпатора власти. Вождь масс — всегда узурпатор, признанный ими. Он узурпатор не только потому, что приходит к власти вопреки действующим законам и его власть порождена чрезвычайной ситуацией, а в силу торжества идеи равенства. Вождь воспринимается массами как их ставленник, как человек массы, по природе своей не стремящийся стать выше массы. Такой механизм узурпации позволяет вождю безгранично распорядиться массой.

Современное общество, убежден Московичи, имеет тенденцию к деспотизму того или иного типа, отказу от индивидуализма и ценностей либеральной демократии. В этом он усматривает признак деградации западного общества. Причина такого положения дел — господство масс и массовой культуры⁵⁷.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998. С. 20, 23, 25, 27–34, 37, 39, 41, 42, 44–46, 58–67, 69–75, 90, 92, 101, 106–110, 112, 113, 117–123, 125–135, 139, 140, 142, 145, 150–152, 154–157, 159, 160, 167–178, 289–292, 297–299, 301–303, 311–315, 320–333, 335, 352–354, 356–359, 365–367, 369, 377, 378, 383, 403–408, 414–427, 429–431, 433–442, 448.

⁵⁴ См.: *Московичи С.* Указ. соч. С. 69–71.

⁵⁵ «Созываемые и опрашиваемые, массы могут ответить лидеру “да” или “нет”. У них нет никакой реальной возможности собраться для принятия решения. Они не правоспособны ни обсуждать решения лидера, ни давать ему советы. Единственное, к чему их призывают и что они могут совершить, — это санкционировать определенную политику, в крайнем случае ее отвергнуть. Плебисцит является признаком свободы, от которой отрекаются в ту самую минуту, когда он осуществляется» (см.: там же. С. 71).

⁵⁶ См.: там же. С. 71, 72.

⁵⁷ См.: там же. С. 73–75.

REFERENCES

1. *Moscovici S.* The age of crowds. Historical treatise on mass psychology. М., 1998. Pp. 20, 23, 25, 27–34, 37, 39, 41, 42, 44–46, 58–67, 69–75, 90, 92, 101, 106–110, 112, 113,

117–123, 125–135, 139, 140, 142, 145, 150–152, 154–157, 159, 160, 167–178, 289–292, 297–299, 301–303, 311–315, 320–333, 335, 352–354, 356–359, 365–367, 369, 377, 378, 383, 403–408, 414–427, 429–431, 433–442, 448 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус); главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; эксперт РАН

Authors' information

ZHUKOV Vyacheslav N. — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia; Chief Researcher, Sector of Philosophy of Law, Theory and History of the State and Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; RAS expert